

Анна ВЫРУБОВА

*Страницы моей жизни
Романовы. Семейный альбом*

Дневник моего сердца. Diarium Cordis

Анна Вырубова

**Страницы моей жизни.
Романовы. Семейный альбом**

«РИПОЛ Классик»

УДК 82-94

ББК 84(2Рос=Рус)6-4

Вырубова А. А.

Страницы моей жизни. Романовы. Семейный альбом /

А. А. Вырубова — «РИПОЛ Классик», — (Дневник моего сердца.
Diarium Cordis)

ISBN 978-5-386-09404-1

«Говорить о значении воспоминаний Анны Александровны Вырубовой, урожденной Танеевой, не приходится: оно само собой очевидно. Из всех посторонних лиц А. А. Танеева в течение последних двадцати лет стояла к царской семье ближе всех и лучше многих ее знала. Танеева была все это время как бы посредницей между императрицей Александрой Федоровной и внешним миром. Она знала почти все, что знала императрица: и людей, и дела, и мысли. Она пережила с царской семьей и счастливые дни величия, и первые, наиболее горькие минуты унижения. Она не прерывала отношений с нею почти до самого конца, находя способы поддерживать переписку в невероятно трудных для этого условиях. За свою близость к царской семье она подверглась тяжким гонениям и со стороны Временного правительства, и со стороны большевиков. Не щадила ее и клевета. Имя Вырубовой до сих пор в глазах известной части русского общества остается воплощением чего-то предосудительного, каких-то интриг и бесконечных тайн двора». В книгу также вошли фотографии повседневной жизни последнего российского императора. Шесть альбомов и около трех тысяч фотографий хранится сегодня в Йельском университете. Многие фотографии публикуются впервые. В формате PDF А4 сохранен издательский дизайн.

УДК 82-94

ББК 84(2Рос=Рус)6-4

ISBN 978-5-386-09404-1

© Вырубова А. А.
© РИПОЛ Классик

Содержание

Предисловие к первому изданию[1]	7
Страницы моей жизни	10
Глава 1	11
Глава 2	15
Глава 3	20
Глава 4	24
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Анна (Танеева) Вырубова

Страницы моей жизни.

Романовы. Семейный альбом

Издательство выражает благодарность Йельскому университету за предоставленные фотографии.

Фотография на фронтисписе – Анна Вырубова, 1909–1910

© ООО Группа Компаний «РИПОЛ классик», издание, 2016

Предисловие к первому изданию¹

Истекает шестой год от начала русской смуты. Много за это страшное время пережито, и многое из того, что было тайным, становится явным.

Сквозь туман взаимных обвинений, раздражения и злобы, вольной и невольной неправды пробивается на свет божий истина. Раскрываются двери архивов, становятся доступными тайны отношений, всплывают воспоминания, у людей начинает говорить совесть.

И по мере того как одна за другою ниспадают с прошлого завесы, рушатся с ними и те злые вымыслы и сказки, на которых выросла в злобе зачатая русская революция. Как будто встав от тяжелого сна, русские люди протирают глаза и начинают понимать, что они потеряли.

И все выше и выше поднимается над притихшей толпой чистый образ царственных страдальцев. Их кровь, их страдания и смерть тяжким укором ложатся на совесть всех нас, не сумевших их оберечь и защитить, а с ними защитить и Россию.

Покорные воле Предвечного, с евангельской кротостью несли они поругание, храня в душах непоколебимую верность России, любовь к народу и веру в его возрождение. Они давно простили всех тех, кто клеветал на них и предал их, но мы не имеем права этого делать. Мы обязаны всех призвать к ответу и всех виновных пригвоздить к столбу позора. Ибо нельзя извлечь из прошлого благотворных уроков для грядущих поколений, пока это прошлое не исчерпано до дна...

Говорить о значении воспоминаний Анны Александровны Вырубовой, урожденной Танеевой, не приходится: оно само собою очевидно. Из всех посторонних лиц А. А. Танеева² в течение последних двенадцати лет стояла к царской семье ближе всех и лучше многих ее знала. Танеева была все это время как бы посредницей между императрицей Александрой Федоровной и внешним миром. Она знала почти все, что знала императрица: и людей, и дела, и мысли. Она пережила с царской семьей и счастливые дни величия, и первые, наиболее горькие минуты унижения. Она не прерывала сношений с нею почти до самого конца, находя способы поддерживать переписку в невероятно трудных для того условиях. За свою близость к царской семье она подверглась тяжким гонениям и со стороны Временного правительства, и со стороны большевиков. Не щадила ее и клевета. Имя Вырубовой до сих пор в глазах известной части русского общества остается воплощением чего-то предосудительного, каких-то интриг и бесконечных тайн двора.

Мы не предполагаем ни оправдывать, ни порочить А. А. Танееву и не берем на себя ответственности за объективность изложенных ею фактов и впечатлений. Напомним, однако, что действия ее были предметом самого тщательного расследования, производившегося людьми, глубоко против нее предубежденными. Расследование это направлялось Временным правительством, для которого обнаружение в среде, близкой к царской семье, преступления или хотя бы того, что принято называть скандалом, было жизненной потребностью, так как в предполагаемой «преступности» старого режима было все оправдание смуты. И вот это разгадывание, вывернув наизнанку самые интимные подробности жизни и подвергнув женщину страшной нравственной пытке, не говоря о физических страданиях, ничего за ней не открыло и кончило тем, что признало ее ни в чем не виновной. Мало того, В. М. Руднев – следователь, производивший расследование «безответственных» влияний при дворе, проводником коих почиталась Танеева, – дал ей в своих воспоминаниях характеристику, совершенно обратную той, какую рисовала досужая молва. Он определяет ее как женщину глубоко религиозную, полную доб-

---

¹ Страницы моей жизни. Воспоминания А. А. Вырубовой, урожденной Танеевой, опубликованы в эмиграции в журнале «Русская летопись», Париж, 1922.

² После развода она вновь стала носить свою девичью фамилию. (Здесь и далее – примечания 1-го издания.)

роты и «чисто христианского всепрощения», «самую чистую и искреннюю поклонницу Распутина, которого до последних дней его жизни она считала святым человеком, бессребреником и чудотворцем». «Все ее объяснения на допросах, – говорит следователь, – при проверке их на основании подлинных документов всегда находили себе полное подтверждение и дышали правдой и искренностью».

Не касаясь этой оценки по существу, нельзя не отметить, что факты, следователем установленные, сняли с А. А. Танеевой по крайней мере те обвинения нравственного порядка, которые возводила на нее молва.

Не все, быть может, найдут в воспоминаниях А. А. Танеевой то, чего от них ожидают. И действительно, во многом эти воспоминания слишком сжаты, порой – излишне подробны. Возможно, в них есть кое-что недосказанное, вернее, неточно воспринятое и расцененное автором, например, степень влияния Распутина на образ мыслей императрицы Александры Федоровны, доверявшей, к прискорбию, его прозорливости и пониманию людей. Нет в них достаточно подробных сведений и о содержании бесед с ним, и о тех советах, которые он иногда подавал по практическим вопросам жизни, и это тем более жаль, что его советы, если судить по письмам императрицы, имели вовсе не тот характер, который им приписывали. Нет подробностей и о многих лицах, которые через А. А. Танееву пытались проникнуть в круг внимания императрицы и заручиться ее поддержкой. И вообще роль этого окружения кажется в воспоминаниях недостаточно выясненной.

Не следует, впрочем, забывать, что воспоминания – это не исследование, и к ним нельзя предъявлять требований полноты впечатления, да и действительная жизнь всегда проще фантазии. Дело критики – указать пробелы, если они есть, и ожидать, что автор не преминет восполнить их тем, что у него в памяти сохранилось. Искренность воспоминаний А. А. Танеевой тому порукой.

Однако и самый строгий критик должен будет признать, что воспоминания эти являются документом большого исторического значения и знакомство с ними обязательно для каждого, кто хочет дать себе ясный отчет в событиях, предшествовавших смуте.

Впервые из источника, осведомленность которого стоит вне всяких сомнений, мы узнаем о настроениях, господствовавших в среде царской семьи, и получаем ключ к пониманию взглядов императрицы Александры Федоровны, нашедших себе выражение в ее переписке с государем. Впервые мы получаем точные сведения об отношениях государя и его семьи ко многим событиям политической и общественной жизни и о внутренних их переживаниях в трудные минуты объявления войны, принятия государем верховного командования и в первые недели революции.

Воспоминания А. А. Танеевой наводят на мысль, что одной из главных, если не главной, причиной неприязни к императрице Александре Федоровне, неприязни, которая возникла в известных слоях общества, а оттуда, приукрашенная молвой и сплетней, перешла в массы, был чисто внешний факт – замкнутость ее жизни, обусловленная прежде всего болезнью наследника и вызывавшая ревность со стороны тех, кто считал себя вправе стоять близко к царской семье. Мы видим, как росло это настроение, вызывая все больший и больший уход в себя императрицы, искавшей успокоения в религиозном подъеме. Она стремилась хотя бы в формах простой народной веры найти разрешение мучительным противоречиям жизни. Мы видим также, какое чистое, любящее и преданное России сердце билось в той, которую считали надменной, холодной и даже чуждой России царицей. И если это впечатление так упорно держалось, то, спрашивается, не лежит ли вина прежде всего на тех, кто не сумел или не захотел ближе и проще подойти к ней, понять и охранить от клеветы и сплетни ее тоскующую душу?!

Мы видим из воспоминаний А. А. Танеевой ярче, чем из всех других источников, весь ужас измены, окружившей царский дом, видим, как в минуту беды отпадали от государя и его семьи один за другим все те, кто, казалось, обязан был первым сложить голову за их защиту:

тщетно ожидали императрица и великие княжны того флигель-адъютанта, которого считали ближайшим своим другом; отказался прибыть в Царское Село по зову государя его духовник; приближенные и слуги, за исключением нескольких верных, поспешили покинуть их при первых же признаках развала; и много другого тяжелого и позорного узнаем мы из этих воспоминаний.

Но есть в воспоминаниях А. А. Танеевой и особая черта, выделяющая их из других впечатлений первых времен смуты. Наряду с тяжелыми картинами развала, предательства и измены, как много чистых и светлых явлений ею отмечено. Среди бесконечного, казалось бы, озверения сбитого с пути народа сколько прорывается чуткого сострадания и ласки, сколько геройского самоотвержения, сколько привязанности к старому, гонимому прошлому. Все эти трогательные люди, укрывающие от преследований несчастную, затравленную женщину или пытающиеся оградить ее от остервенелых солдат и матросов, все эти раненые, помнящие добро и ласку, – в них оправдание России, в них ее светлое будущее! Старое, доброе, хорошее погибло или замолкло, придавленное обвалившейся на него громадой злобы и страстей, но Она жива – эта бесконечно трогательная душа православной сердобольной России. Под грубой корой предвзвешенных, под грязью и гноем, хлынувшими из трещин истории, – продолжает жить нежное и сострадательное сердце народа. Оно – лучшая порука в том, что не все потеряно и погибло, что настанет день, когда из праха, из развалин и грязи встанет Россия, очистит себя покаянием, стряхнет с души своей инородное иго и вновь явит изумленному миру беззаветную преданность исконным своим идеалам. И погибший праведник-царь станет тогда первой святыней России.

Страницы моей жизни

Посвящается возлюбленной Государыне Императрице Александре Федоровне

Если я пойду и долиною смертной тени, не убоюсь зла, потому что Ты со мной.

Псалом 22

Укоряемы – благословляйте, гонимы – терпите, хулимы – утешайтесь, злословимы – радуйтесь!

(Слова святого Серафима Саровского)

Вот наш путь с тобою...

Из письма Александры Федоровны, 20 марта 1918 г., Тобольск

Анна Вырубова, 1912–1913

Глава 1

Приступая с молитвой и чувством глубокого благоговения к рассказу о священной для меня дружбе с императрицей Александрой Федоровной, хочу сказать вкратце, кто я и как могла я, воспитанная в тесном семейном кругу, приблизиться к моей государыне.

Отец мой, статс-секретарь Александр Сергеевич Танеев, занимал видный пост главного управляющего Собственной Его Императорского Величества канцелярией в продолжение двадцати лет. По странному стечению обстоятельств этот же самый пост занимали его отец и *дед* при императорах Александре I, Николае I, Александре II и Александре III.

Дедом моим был генерал Толстой, флигель-адъютант императора Александра II, а прадедом – знаменитый фельдмаршал Кутузов. Прадед же матери – граф Кутайсов, друг императора Павла I.

Несмотря на высокое положение отца, наша семейная жизнь была проста и скромна. Кроме служебных обязанностей весь его жизненный интерес был сосредоточен на семье и любимой им музыке – он занимал видное место среди русских композиторов. Вспоминаю тихие вечера дома: брат, сестра и я, поместившись за круглым столом, готовили уроки, мама работала, отец же, сидя у рояля, занимался композицией. Благодарю Бога за счастливое детство, в котором почерпнула силы для тяжелых переживаний последних лет.

Шесть месяцев в году мы проводили в родовом имении Рождествено под Москвой. Это имение принадлежало нашему роду двести лет. Соседями были наши родственники, князья Голицыны, и великий князь Сергей Александрович. С раннего детства мы, дети, обожали великую княгиню Елизавету Федоровну (старшую сестру государыни императрицы Александры Федоровны), которая нас баловала и ласкала, даря платья и игрушки. Часто мы ездили к ним в Ильинское, и они приезжали к нам – на длинных линейках со свитой – пить чай на балконе и гулять в старинном парке. Однажды, приехав из Москвы, великая княгиня пригласила нас к чаю, после которого мы искали игрушки, спрятанные ею в большой угловой гостиной, как вдруг доложили, что приехала императрица Александра Федоровна. Великая княгиня, оставив своих маленьких гостей, побежала навстречу сестре.

Первое мое впечатление об императрице Александре Федоровне относится к началу царствования, когда она была в расцвете молодости и красоты: высокая, стройная, с царственной осанкой, золотистыми волосами и огромными грустными глазами – она выглядела настоящей Царицей. К моему отцу государыня с самого же начала проявила доверие, назначив его вице-председателем Комитета трудовой помощи, основанного ею в России. В это время зимой мы жили в Петербурге, в Михайловском дворце, летом же – на даче в Петергофе.

Возвращаясь от юной государыни после докладов, мой отец делился с нами своими впечатлениями. Так, он рассказывал, что на первом докладе уронил бумаги со стола и государыня, быстро нагнувшись, подала их ему, сильно смущенному. Необычайная застенчивость императрицы его поражала, «но, – говорил он, – ум у нее мужской». Прежде же всего она была матерью: держа на руках шестимесячную великую княжну Ольгу Николаевну, государыня обсуждала с моим отцом серьезные вопросы своего нового учреждения; одной рукой качая колыбель с новорожденной великой княжной Татьяной Николаевной, она другой подписывала деловые бумаги. Раз, во время одного из докладов, в соседней комнате раздался необыкновенный свист. «Какая это птица?» – спросил отец. «Это государь зовет меня», – ответила, сильно покраснев, государыня и убежала, быстро простившись. Впоследствии как часто я слыхала этот свист, когда государь звал императрицу, детей или меня; сколько было в нем обаяния, как и во всем существе государя...

Обоюдная любовь к музыке и разговоры на эту тему сблизили государыню с нашей семьей. Я уже упоминала о музыкальном даровании моего отца. Само собой разумеется, что

нам с ранних лет дали музыкальное образование. Отец возил нас на все концерты, в оперу, на репетиции и во время исполнения часто заставлял следить за партитурой; весь музыкальный мир бывал у нас – артисты, капельмейстеры, русские и иностранцы. Помню, как однажды пришел завтракать П. И. Чайковский и зашел к нам в детскую.

Образование мы, девочки, получили домашнее и держали экзамен на звание учительниц при округе. Иногда через отца мы посылали наши рисунки и работы императрице, которая хвалила нас, но в то же время говорила отцу, что поражается: русские барышни не знают ни хозяйства, ни рукоделия и ничем, кроме офицеров, не интересуются. Воспитанной в Англии и Германии императрице не нравилась пустая атмосфера петербургского света, и она все надеялась привить высшему обществу вкус к труду. С этой целью она основала общество рукоделия, члены которого, дамы и барышни, обязаны были сработать для бедных не меньше трех вещей в год. Сначала все принялись за работу, но вскоре наши дамы охладели, как и ко всему, и никто не мог сработать даже этого мизера. Идея не привилась. Невзирая на это, государыня продолжала открывать по всей России дома трудолюбия для безработных и учредила дома призрения для падших девушек, принимая все это близко к сердцу.

Жизнь при дворе в то время была веселой и беззаботной. Семнадцатилетней я была представлена императрице в Петергофе, в ее дворце. Сначала страшно застенчивая, я вскоре освоилась и очень веселилась. В эту первую зиму я успела побывать на тридцати двух балах, не считая других увеселений. Вероятно, переутомление сказалось на моем здоровье – и летом, заболев брюшным тифом, я была три месяца при смерти. У меня сделалось воспаление легких, почек и мозга, отнялся язык, и я потеряла слух. Как-то раз во сне, во время долгих, мучительных ночей, я видела Иоанна Кронштадтского, который сказал, что скоро мне будет лучше. В детстве о. Иоанн Кронштадтский раза три бывал у нас и своим благодатным присутствием оставил в моей душе глубокое впечатление, и теперь, казалось мне, мог скорее помочь, чем доктора и сестры, которые за мной ухаживали. Я как-то сумела объяснить свою просьбу – позвать о. Иоанна, – и отец сейчас же послал ему телеграмму, которую тот, впрочем, не сразу получил, так как был у себя на родине.

В полузабытьи я чувствовала, что о. Иоанн едет к нам, и не удивилась, когда он вошел ко мне в комнату. Он отслужил молебен, положив епитрахиль на мою голову. По окончании молебна он взял стакан воды, благословил и облил меня, к ужасу сестры и доктора, которые кинулись меня вытирать. Я сразу заснула, и на следующий день жар спал, вернулся слух, и я стала поправляться. Великая княгиня Елизавета Федоровна три раза навещала меня, а государыня присылала чудные цветы, которые мне клали в руки, пока я была без сознания.

В сентябре я уехала с родителями в Баден, а затем в Неаполь. Здесь мы жили в одной гостинице с великим князем Сергеем Александровичем и великой княгиней Елизаветой Федоровной, которые очень забавлялись, видя меня в парике. Вообще же великий князь имел сумрачный вид и говорил матери, что расстроен свадьбой брата, великого князя Павла Александровича. Скоро я совсем поправилась и зиму 1903 года много выезжала и веселилась. В январе получила шифр – то есть была назначена городской фрейлиной, но дежурила при государыне только на балах и выходах. Это дало возможность ближе видеть и официально познакомиться с императрицей Александрой Федоровной, и вскоре мы подружились тесной неразрывной дружбой, продолжавшейся все последующие годы.

Мне бы хотелось нарисовать портрет государыни императрицы – такой, какой она была в эти светлые дни, пока горе и испытания не постигли нашу дорогую родину. Высокая, с золотистыми густыми волосами, доходившими до колен, она, как девочка, постоянно краснела от застенчивости; глаза ее, огромные и глубокие, оживляясь при разговоре и смеялись. Дома ей дали прозвище Зиппу, а Солнышко (Sunny) – имя, которым всегда называл ее государь. С первых же дней нашего знакомства я всей душой привязалась к государыне: любовь и привязанность к ней остались на всю мою жизнь.

Зима 1903 года была очень веселой. Особенно памятны мне в этом году знаменитые балы при дворе в костюмах времени Алексея Михайловича; первый бал был в Эрмитаже, второй – в концертном зале Зимнего дворца и третий – у графа Шереметева. Сестра и я были в числе двадцати пар, которые танцевали русскую. Мы несколько раз репетировали танец в зале Эрмитажа, и императрица приходила на эти репетиции. В день бала государыня была поразительно хороша в золотом парчовом платье и на этот раз, как она мне рассказывала, забыла свою застенчивость, ходила по зале, разговаривая и рассматривая костюмы.

Летом я заболела сердцем. Мы жили в Петергофе, и это был первый раз, что государыня нас посетила. Приехала она в маленьком шарабане, сама правила. Пришла веселая и ласковая, в белом платье и большой шляпе, наверх в комнату, где я лежала. Ей, видимо, доставляло удовольствие приехать запросто, не предупреждая. Вскоре после того мы уехали в деревню. В наше отсутствие императрица приезжала еще раз и оторопевшему курьеру, который открыл ей дверь, передала бутылку со святой водой из Сарова, поручив отослать ее нам.

Следующей зимой началась японская война. Это ужасное событие, которое принесло столько горя и глубоко потрясло страну, отразилось на нашей семейной жизни тем, что сократилось количество балов, не проводилось при дворе приемов, а мать заставила нас пройти курс сестер милосердия. Практиковаться мы ездили в Елизаветинскую общину. По инициативе государыни в залах Зимнего дворца был открыт склад белья для раненых. Мать моя заведовала отделом раздачи работ на дом, и мы помогали ей целыми днями. Императрица почти ежедневно приходила на склад: обойдя длинный ряд залов, где за бесчисленными столами трудились дамы, она садилась где-нибудь поработать.

Императрица тогда была в ожидании наследника. Помню ее высокую фигуру в опушенном мехом темном бархатном платье, скрадывавшем полноту, и длинном жемчужном ожерелье. За ее стулом стоял арап Джимми в белой чалме и шитом платье; арап этот был одним из четырех абиссинцев, которые дежурили у дверей покоев их величеств. Обязанности их состояли лишь в том, чтобы открывать двери. Появление Джимми на складе производило всеобщее волнение, так как предвещало прибытие государыни. (Абиссинцы эти были остатком придворного штата времен Екатерины Великой.)

Следующим летом родился наследник. Государыня потом мне рассказывала, что из всех ее детей это были самые легкие роды. Ее величество едва успела подняться из маленького кабинета по витой лестнице к себе в спальню, как ребенок родился. Сколько было радости, несмотря на всю тяжесть войны; кажется, не было ничего, что государь бы не сделал в память этого дорогого дня. Но почти с самого начала родители заметили, что Алексей Николаевич унаследовал ужасную болезнь, гемофилию, которой страдали многие в семье государыни; женщина не страдает этой болезнью, но она может передаваться от матери к сыну. Вся жизнь маленького цесаревича, красивого, ласкового ребенка, была одним сплошным страданием, но вдвойне страдали родители, в особенности государыня, которая не знала более покоя. Здоровье ее сильно пошатнулось после всех переживаний войны, и у нее начались сильные сердечные припадки. Она бесконечно страдала, сознавая, что оказалась невольной виновницей болезни сына. Дядя ее, сын королевы Виктории, принц Леопольд, болел той же болезнью, маленький брат ее умер от нее же, и все сыновья ее сестры, принцессы Прусской, страдали с детства кровоизлияниями.

Естественно, для Алексея Николаевича было сделано все, что доступно медицине. Государыня кормила его с помощью кормилицы (так как сама не имела довольно молока), как и всех своих детей. При детях была сперва няня-англичанка и три русские няни, ее помощницы. С появлением наследника государыня рассталась с англичанкой и назначила ему вторую няню, М. И. Вишнякову. Императрица ежедневно сама купала наследника и так много уделяла времени детской, что при дворе стали говорить: «Императрица не царица, а только мать». Конечно, сначала не знали и не понимали серьезности положения. Человек всегда надеется на лучшее: их величества скрывали болезнь Алексея Николаевича от всех, кроме самых близких

родственников и друзей, закрывая глаза на возрастающую непопулярность государыни. Она бесконечно страдала и была больна, а говорили, что она холодна, горда и неприветлива: таковой она осталась в глазах придворных и петербургского света даже тогда, когда узнали о ее горе.

Цесаревич Алексей и императрица Александра Федоровна на палубе яхты «Штандарт», 1912–1913

Глава 2

В конце февраля 1905 года моя мать получила телеграмму от светлейшей княгини Голицыной, гофмейстерины государыни, которая просила отпустить меня на дежурство – заменить больную фрейлину. Я сейчас же отправилась с матерью в Царское Село. Квартиру мне дали в музее – это были небольшие мрачные комнаты, выходящие на церковь Знаменья. Будь квартира и более приветливой, я все же с трудом могла бы побороть в себе чувство одиночества, находясь в первый раз в жизни вдали от родных, окруженная чуждой мне придворной атмосферой. Кроме того, двор был в трауре: 4 февраля был убит великий князь Сергей Александрович, московский генерал-губернатор. По слухам, в Москве, где началось серьезное революционное движение, его не любили, и великому князю грозила постоянная опасность. Великая княгиня, несмотря на тяжелый характер супруга, была бесконечно ему предана и боялась отпустить одного. Но в этот роковой день он уехал без ее ведома. Услышав страшный взрыв, она воскликнула: «It is Serge!» – поспешно выбежала из дворца, и глазам ее представилась ужасная картина: тело великого князя, разорванное на сотни кусков. Таким страшным образом погиб Сергей Александрович. Злодея убийцу схватили и приговорили к смертной казни. Характерно, что великая княгиня сама поехала к нему в тюрьму сказать, что прощает его, и молилась возле него. Молился ли он вместе с ней, я не знаю: социалисты-революционеры гордятся своим безбожием.

Грустное настроение, царящее при дворе, тяжело ложилось на душу одинокой девушки. Мне сшили траурное черное платье, носила я и длинную креповую вуаль, как остальные фрейлины.

Императрица приняла меня в большой гостиной. Государыня была тоже в глубоком трауре и показалась мне очень пополневшей. Она сказала, что видеть меня почти не будет, так как занята своими сестрами, великой княгиней Елизаветой Федоровной и принцессой Иреной Прусской. Кроме того, у них гостила императрица-мать. Свиты было много, и я чувствовала себя среди них чужой. По желанию государыни главной моей обязанностью было проводить время с больной фрейлиной, княжной Орбельяни, которая страдала прогрессивным параличом; вследствие болезни характер у нее был очень тяжелый. Остальные придворные дамы также не отличались любезностью, я страдала от их частых насмешек – особенно они потешались над моим французским языком, и должна сознаться: я и в самом деле говорила тогда по-французски очень дурно. Государыню я видела только раз, когда она позвала меня с собою кататься, о чем мне сообщил скороход по телефону. Был теплый весенний день, снег таял на солнце. Мы выехали в открытой коляске. Помню, как сейчас: я не знала, как сидеть возле нее, мне все казалось, что я недостаточно почтительно себя держу. Вообще я была подавлена окружающей обстановкой, кланяющейся публикой, казаком, который скакал за нами по дороге. Первые впечатления ярко остаются в памяти, и я помню все вопросы государыни о моих родных и ее рассказы о своих детях, в особенности о наследнике, которому было тогда семь месяцев. Императрица торопилась вернуться к уроку танцев для детей. Потом, вечером, княжна Орбельяни все дразнила меня, что императрица не позвала меня на урок; позови же она, княжна нашла бы, может быть, предлог еще больше издеваться надо мной: таков был двор.

Был пост, и по средам и пятницам в походной церкви Александровского дворца для государыни служили преждеосвященные литургии. Я попросила и получила разрешение бывать на этих службах. Другом моим была княжна Шаховская, фрейлина великой княгини Елизаветы Федоровны, только что осиротевшая. Всегда добрая и ласковая, она первая начала мне давать для чтения религиозные книги. Очень добра была ко мне и великая княгиня Елизавета Федоровна. Меня поражал ее взгляд: точно она видела перед собой картину убийства мужа. Но наружно она всегда казалась спокойной, по праздникам одевалась вся в белое, напоминая

собой Мадонну. Принцесса Ирена Прусская была в трауре по случаю смерти ее маленького сына, которого очень жалела и о котором говорила только со слезами на глазах.

Подшла Страстная неделя, и мне объявили, что дежурство мое кончено. Императрица вызвала меня в детскую проститься. Застала я ее в угловой игральной комнате, окруженную детьми, на руках у нее был наследник. Я была поражена его красотой – так он был похож на херувима: вся головка в золотых кудрях, огромные синие глаза, белое кружевное платьице. Императрица дала мне его подержать на руки и тут же подарила медальон (серый камень в виде сердца, окруженный бриллиантами) на память о моем первом дежурстве, а затем простилась со мной. Несмотря на ее ласку, я была рада вернуться домой.

Летом я переехала с родителями на дачу в Петергоф и видела государыню чаще, чем во время первого дежурства, работая на складе. Императрица приезжала туда почти ежедневно в маленьком экипаже и всегда правила сама. Кроме того, каждую неделю она ездила в автомобиле в Царское Село, в свой лазарет, и два раза просила мать отпустить меня с ней. Во время одной из этих поездок состоялась закладка Школы нянь, основанной ею в Царском Селе. В лазарете она обходила раненых офицеров, играла с ними в шашки, пила чай, с материнской нежностью говорила с ними, нисколько не стесняясь, и в эти минуты мне казалось странным, что ее могли находить холодной и неприветливой. С бесконечной благодарностью и уважением окружали ее больные и раненые, каждый старался быть к ней поближе. Между мной и государыней сразу установились простые, дружеские отношения, и я молила Бога, чтобы он помог мне всю жизнь мою положить на служение их величествам. Вскоре я узнала, что и ее величество желала приблизить меня к себе.

В августе императрица прислала к нам фрейлину Оленину, прося отпустить меня с ними в шхеры.³ Отплыли мы из Петергофа на яхте «Александрия», в Кронштадте пересели на «Полярную Звезду» и ушли в море. Сопровождали их величества флигель-адъютант князь Оболенский, граф Гейден, морской министр адмирал Бирилев, контр-адмирал Чагин, командир яхты граф Толстой, Е. Шейдер, я и другие. Я была очень взволнованна, сидя в первый раз около государя за завтраком. Разместились за длинным столом, государь – на обычном своем месте, императрица и я – около него. Вспоминая тяжкий год войны, государь сказал мне, указывая на императрицу: «Если бы не она, я бы ничего не вынес».

Жизнь на яхте была простая и беззаботная. Каждый день мы сходили на берег, гуляли с государыней и детьми по лесу, лазили на скалы, собирали бруснику и чернику, искали грибы, пробирались по разным тропинкам. Их величества, словно дети, радовались простой, свободной жизни. Набегавшись и надышавшись здоровым морским воздухом, я по вечерам очень хотела спать, а садилась пить чай только в десять часов вечера. Раз, к моему стыду, я заснула за чаем и чуть не упала со стула. Как дразнил меня государь! Тогда же в первый раз мы начали играть с императрицей в четыре руки. Я играла недурно и привыкла разбирать ноты, но от волнения теряла место и пальцы леденели. Играли мы Бетховена, Чайковского и других композиторов.

Вспоминаю наши первые душевные разговоры у рояля и иногда до сна: мало-помалу она мне открывала свою душу, рассказывая, как с первых дней приезда в Россию почувствовала, что ее не любят. Это было ей вдвойне тяжело, так как она вышла замуж за государя только потому, что любила его и надеялась, что их обоюдное счастье приблизит к ним сердца их подданных.

Моя бабушка Толстая рассказывала мне случай, переданный ей ее родственницей, баронессой Анной Карловной Пилар, фрейлиной государыни императрицы Марии Александровны. Во время посещения государыней Дармштадта, в семидесятых годах, принцесса Алиса Гессенская привела к ней всех своих детей, принесла на руках и маленькую принцессу Алису (буду-

---

³ Скалистые острова, разделенные узкими проливами.

щую государыню Александру Федоровну). Императрица Мария Александровна, обернувшись к баронессе Пилар, произнесла, указывая на маленькую принцессу Алису: «Baisez lui la main, elle sera votre future Imperatrice».⁴

Еще маленькой девочкой в 1884 году императрица приезжала в Петербург на свадьбу своей сестры, великой княгини Елизаветы Федоровны. Она тогда очень подружилась с сестрой государя, маленькой великой княжной Ксенией Александровной, а также с малолетним наследником Николаем Александровичем, который подарил ей маленькую брошку. Сперва она приняла ее, но после решила в своей детской головке, что подарка принимать нельзя. Но как вернуть, чтобы его не обидеть? И вот на детском балу в Аничковом дворце она потихоньку сунула брошку в его руку. Он был очень огорчен и подарил эту брошку своей сестре. С годами увлечение их росло, но государыня боролась со своими чувствами, боясь сделать неправильный шаг в отношении своей религии. Когда женился брат, и ей казалось, что после смерти отца, которого она обожала, ей больше уже нечего делать дома, чувство к государю все перебороло, и счастьем их не было границ. Они вместе были на свадьбе брата в Кобурге; потом государь заезжал к ней в Англию, где она гостила у королевы Виктории.

В это время смертельно заболел император Александр III, и ее вызвали как будущую цесаревну. Императрица с любовью вспоминала, как встретил ее император, как, когда она пришла к нему, надел мундир, показав этим свое уважение. Но окружающие встретили ее холодно, в особенности, рассказывала она, княжна А. А. Оболенская и графиня Воронцова. Ей было тяжело и одиноко; не нравились шумные обеды, завтраки и игры собравшейся семьи – в такой момент, когда наверху доживал свои последние дни и часы государь император.

---

⁴ «Целуйте ей руку, она будет вашей императрицей» (франц.).

Принцесса Алиса Гессенская – будущая российская императрица, 1892

Затем ее переход в православие и смерть царя. Государыня рассказывала мне, как она, обнимая императрицу-мать, когда та отошла от кресла, на котором только что скончался император, молила Бога помочь ей сблизиться с ней. Потом длинное путешествие с гробом государя по всей России и панихида за панихидой. «Так я въехала в Россию, – рассказывала она. – Государь был слишком поглощен событиями, чтобы уделить мне много времени, и я холодела

от робости, одиночества и непривычной обстановки. Свадьба наша была как бы продолжением этих панихид, только меня одели в белое платье». Свадьба состоялась в Зимнем дворце. Те, кто видели государыню в этот день, говорили, что она была бесконечно грустна и бледна.

Таковы были въезд и первые дни молодой государыни в России. Последующие месяцы мало изменили ее настроение. Своей подруге, графине Рантцау (фрейлине принцессы Прусской), она писала: «Я чувствую, что все, кто окружают моего мужа, не искренни и никто не исполняет своего долга ради долга и ради России; все служат ему из-за карьеры и личной выгоды. И я мучаюсь и плачу целыми днями, так как чувствую, что мой муж очень молод и неопытен, чем все и пользуются».

Государыня целыми днями была одна. Государь днем был занят с министрами, вечера же проводил со своей матерью (жившей тогда в том же Аничковом дворце), которая в то время имела на него большое влияние. Трудно было молодой царице первое время в чужой стране. Каждая девушка, выйдя замуж и попав в подобную обстановку, легко могла бы понять ее душевное состояние. Кажущаяся холодность и сдержанность государыни начали проявляться именно с этого времени почти полного одиночества.

Не все сразу, но понемногу государыня рассказывала мне о своей молодости. Разговоры эти сблизили нас, и она стала мне еще дороже. Офицеры яхты говорили, что я проломила стену, столько лет окружавшую государыню. Государь сказал мне, прощаясь в конце плавания: «Теперь вы абонированы ездить с нами». Но дороже всего были мне слова моей государыни: «Благодарю Бога, что Он послал мне друга», – сказала она, протягивая мне руки. Таким другом я и осталась при ней: не фрейлиной, не придворной дамой, а просто другом.

В том году на яхту приезжал после заключения мира с Японией граф Витте. Я видела его за обедом, перед которым он получил графское достоинство: сияющий, граф вошел вслед за государем и во время обеда рассказывал о своих впечатлениях в Америке.

Глава 3

Вернувшись в Петергоф на следующий день, императрица вызвала меня в Нижний дворец у моря, где их величества жили совсем одни, без свиты. В крошечном кабинете со светлой ситцевой мебелью и массой цветов горел камин. Императрица, как сейчас помню, стояла в серой шелковой блузочке. Обняв меня, она шутя спросила, хотела ли я повидать ее сегодня. Шел сильный дождь, в комнате же у огня было тепло и уютно. Императрица показывала мне свои книги, прочитанные и переписанные места из ее любимых авторов, фотографии родных, весь мир, в котором она жила. За письменным столом из светлого дерева стоял портрет во весь рост ее покойного отца.

Через несколько дней после нашего возвращения я уехала с семьей за границу. Мы остановились сначала в Карлсруэ у родных, затем поехали в Париж. Государыня передала мне письма к брату, великому герцогу Гессенскому, и старшей сестре, принцессе Виктории Баттенбергской. Великий герцог находился в имении Вольфегартен. Дворец герцога окружали обширный сад и парк, устроенный по его плану и рисункам. После завтрака, во время которого великий герцог расспрашивал меня о государыне и ее жизни, я гуляла в саду с госпожой Граней, гофмейстериной гессенского двора, милой и любезной особой. Она показала мне игрушки и вещицы, принадлежавшие маленькой принцессе Елизавете, единственной дочери великого герцога по первому браку, которая скончалась в России от острого заболевания. Видела я и белый мраморный памятник, воздвигнутый гессенцами в память о ней.

Ко второму завтраку приехала принцесса Виктория Баттенбергская с детьми, красавицей принцессой Луизой и маленьким сыном. Меня занимал этикет при гессенском дворе: принцесса Баттенбергская приседала перед своей молодой невесткой, принцессой Элеонорой. Принцесса Виктория отличалась большим умом, но говорила настолько быстро, что многое в ее речи терялось; она меня расспрашивала о русской политике, что ставило меня в затруднительное положение, так как я мало что знала на этот счет. Принцесса пригласила меня и мою сестру завтракать к ней в Югенгейм, в окрестностях Дармштадта. И брат, и сестра моей государыни снабдили меня письмами, я взяла их с собой в Париж, не зная, что не скоро мне придется передать их по назначению.

Пока мы приятно проводили время за границей, в России назревало народное недовольство, вызванное революционной пропагандой. Беспорядки начались с забастовки железных дорог, стачек рабочих и революционных демонстраций. Все это мешало нам вернуться в Россию, но мы тогда еще не понимали, к чему все это может повести. Сознывая тяжелое положение родины, я все время думала о государе, который должен был водворять порядок в стране, и всей душой стремилась назад к государыне, которая разделяла все его заботы.

О Манифесте 17 октября мы еще тогда ничего не слыхали. Манифест этот, ограничивающий права самодержавия и создавший Государственную думу, был подписан государем после многочисленных совещаний, а также потому, что на этом настаивали великий князь Николай Николаевич и граф Витте. Государь не сразу согласился на этот шаг не потому, что Манифест ограничивал права самодержавия, но его останавливала мысль, что русский народ еще вовсе не подготовлен к представительству и самоуправлению, народные массы находятся еще в глубоком невежестве, а интеллигенция преисполнена революционных идей. Я знаю, как государь желал, чтобы народ его преуспевал в культурном отношении, но в 1905 году он сомневался, что полная перемена в государственном управлении может принести пользу стране. В конце концов его склонили подписать Манифест. Императрица рассказывала, что сидела в это время неподалеку с великой княжной Анастасией Николаевной, и у них такое было чувство, как будто рядом происходят тяжелые роды. Слышала я также, будто, когда государь, сильно взволнованный, подписывал указ о Государственной думе, министры встали и поклонились ему. Государь

и государыня горячо молились, чтобы народное представительство привело Россию к спокойствию и порядку.

Открылась Государственная дума после Высочайшего выхода в Зимнем дворце. Я с другими была в тронном зале и слышала, как государь приветствовал членов Думы. Мало осталось у меня в памяти о первой Думе: много было разговоров, а дела мало. Она была закрыта по Высочайшему указу после двух месяцев существования. Газеты были полны сообщениями о событиях, происходивших на Руси, но до дворца доходили лишь слабые отклики.

Государыня и я брали уроки пения у профессора консерватории Н. А. Ирецкой. У императрицы было чудное контральто, у меня – высокое сопрано, и мы постоянно вместе пели дуэты. Ирецкая говорила, что императрица могла бы своим голосом зарабатывать на хлеб. Пела с нами иногда моя сестра – Шумана, Рубинштейна и других композиторов. Пела государыня и под аккомпанемент скрипки. Иногда приезжал из Англии знакомый государыне скрипач Вольф, и мы занимались музыкой намного больше. В Петергофе мы брали уроки пения обыкновенно в Фермерском дворце, так как в Царицыно пианино стояло стена об стену с кабинетом государя, а он вообще не любил, когда императрица пела, почему и не приходил никогда ее слушать.

Летом, когда Дума окончила свое короткое существование, мы снова ушли на два месяца в шхеры на любимой яхте их величеств «Штандарт». Государь ежедневно гулял на берегу, два раза в неделю приезжал фельдъегерь с бумагами, и тогда государь целый день занимался. Государыня ходила на берег и гуляла в лесу. Мы постоянно были вместе, читали, сидя на легком мху, или, сидя на палубе, наблюдали, как резвились и играли дети. К каждому из них был приставлен дядькой матрос из команды. Матрос Деревенко в первый раз нянчил Алексея Николаевича на «Полярной Звезде» в 1905 году, научил его ходить и затем был взят к нему во дворец. Все эти матросы получали ценные подарки от их величеств: золотые часы и т. п. К сожалению, и знаменитый Деревенко во время революции покинул наследника.

Днями моего дежурства при государыне были назначены среды и пятницы. Тогда я на целый день уезжала в Царское Село, обедала с царской семьей и ночевала во дворце. Часто обедал у них Свиты Его Величества генерал Орлов, командир Уланского Ее Величества полка, единственный близкий друг государя. После обеда царь и генерал играли обыкновенно на бильярде, мы же с государыней, сидя в той же комнате, работали у лампы. Ездил генерал Орлов с нами летом и в шхеры. Меня уже все тогда ревновали к их величествам, начались всевозможные сплетни и разговоры, и я часто говорила обо всем этом с Орловым, который стал моим искренним другом. Переживая впоследствии уже не пустяки, а тяжелые испытания, я вспоминала его голос, убеждавший меня «быть молодцом».

В семейном кругу часто говорили о том, что мне пора выйти замуж, но никто из молодежи, которая бывала у нас, не пленял моего воображения. Среди других часто бывал у нас и морской офицер Александр Вырубов. В декабре он сделал мне предложение письмом из деревни: оно меня сильно взволновало и смутило. Приехав в Петербург, он стал ежедневно бывать у нас и терзал меня, умоляя скорее дать ему согласие. За одним из завтраков в феврале 1907 года, когда он пришел сказать, что нашел себе службу, меня назвали его невестой. Все в доме Вырубова сияли от радости, начались обеды, визиты, приготовление приданого. Меня осыпали подарками, и мне казалось, что я счастлива. Государыня тоже одобрила мою помолвку. Только Орлов выразил сомнение, советуя мне серьезно обдумать этот шаг. Это случилось во время моего дежурства во дворце, и государыня, войдя в комнату, решительно сказала, что нельзя меня смущать, раз слово уже дано.

Свадьба моя состоялась 30 апреля 1907 года в церкви Большого Царскосельского дворца. Я не спала всю ночь и встала утром с тяжелым чувством на душе. Весь этот день прошел как сон. Меня одевали в одной из запасных половин Большого дворца. Как во сне встала я на колени перед их величествами, благословившими меня иконой, затем началось шествие

по залам, как на выходе. Шествие открывал обер-церемониймейстер граф Гендриков, за ним следовали их величества под руку, потом шел мой мальчик с образом, граф Карлов, и, наконец, я, под руку с отцом. Поднимаясь по лестнице, государь обернулся и, вероятно, заметив мое грустное выражение, улыбнулся, глазами показывая на небо. Во время венчанья я чувствовала себя возле своего жениха совсем чужой. В Золотой дворцовой церкви было немного народу: налево стояли их величества, окруженные детьми, великие княжны и дети великого князя Павла Александровича. Один из них, великий князь Дмитрий Павлович, принявший впоследствии участие в убийстве Распутина, в день моей свадьбы был очаровательным мальчиком. Гостей звали только, кажется, по выбору их величеств. В зале, где поздравляли, произошел забавный случай: старик священник, венчавший нас, обнял меня и одного из моих шаферов, приняв его за жениха, назвав нас «дорогими детьми». После обряда бракосочетания мы пили чай у их величеств. Прощаясь, императрица, по обыкновению, тихонько передала мне письмо, полное ласки и добрых советов касательно моей будущей жизни. Каким ангелом она казалась мне в тот день, и как тяжело было с ней расстаться!

У родителей состоялся семейный обед, после которого мы уехали в деревню, в Пензенскую губернию.

Тяжело женщине говорить о браке, который с самого начала оказался не у дачным, и я только скажу, что мой бедный муж страдал наследственной болезнью. Нервная система его оказалась сильно потрясена после японской войны и гибели флота у Цусимы; бывали периоды, когда он не мог совладать с собой, целыми днями лежал в постели, ни с кем не разговаривая. Помню, как во время одного из припадков я позвонила вечером государыне, напуганная его видом. Императрица, к моему удивлению, пришла сейчас же пешком из дворца, накинув пальто поверх открытого платья, и просидела со мной целый час, пока я не успокоилась.

Анна Вырубова, 1909

В августе их величества пригласили нас сопровождать их на «Штандарте» во время путешествия по финским шхерам. Тут случилось несчастье, труднообъяснимое, так как на «Штандарте» всегда находились лоцманы. Был чудный солнечный день. В четыре часа все собрались в верхней рубке к дневному чаю, как вдруг мы почувствовали два сильных толчка; чайный сервиз задрезжал и посыпался со стола. Императрица вскрикнула, мы все вскочили, яхту начало кренить на правый борт; в минуту вся команда собралась на левый борт. Государь успокаивал всех, говоря, что мы просто сели на камень. Матрос Деревенко кинулся с наследником на нос корабля, боясь разрыва котлов, что легко могло случиться. Моментально у правого борта встали миноносцы, конвоирующие яхту, и детей с их няньками перевели на финский корабль. Государыня и я бросились в каюты и стали поспешно связывать все вещи в простыни; мы сошли с яхты последними, перейдя на транспортное судно «Азия». Детей уложили в большую каюту, императрица с наследником поместилась рядом, а государь и свита – в каютах наверху. Всюду была невероятная грязь. Помню, как государь принес императрице и мне таз с водой, чтобы помыть руки. Повар Кюбá все же смастерил обед, и мы сели за стол около полуночи. На следующий день пришла яхта «Александрия», на которую мы и перешли и жили две недели очень тесно, пока не подошла «Полярная Звезда». На яхте «Александрия» государь спал в рубке на диване, дети – в большой каюте, кроме Алексея Николаевича. Напротив – государыня, около нее – наследник с М. И. Вишняковой. Я спала рядом на диване. Наверху в двух маленьких каютах помещались княжна Оболенская и адмирал Нилов. Свита, в том числе и мой муж, остались на финском корабле. Бедный «Штандарт» лежал на боку. День и ночь работали машины, чтобы снять его со скалы.

После нашего возвращения в Петроград мужу стало хуже, и доктора отправили его в Швейцарию. Но пребывание там ему не помогло, а я все больше и больше его боялась... Весной он получил место на корабле. После года тяжелых переживаний и унижений несчастный брак наш был расторгнут.

Я осталась жить в крошечном доме в Царском Селе, который мы наняли с мужем; помещение оказалось очень холодным, так как не было фундамента и зимой дуло с пола. Государыня подарила мне к свадьбе шесть стульев, с ее собственной вышивкой, акварели и прелестный чайный стол, потому у меня было очень уютно. Когда их величества приезжали вечером к чаю, государыня привозила фрукты и конфеты, государь – шерри-бренди. Мы часто сидели с ногами на стульях, чтобы не мерзли ноги. Их величеств забавляла простая обстановка: сидя у камина, пили чай с сушками, его приносил мой верный слуга Берчик, камердинер покойного дедушки Толстого, прослуживший в семье сорок пять лет. Помню, как государь, смеясь, говорил потом, что после чая у меня в домике он согревается только у себя в ванной.

Во время плавания в следующем году приехал прощаться с их величествами перед отъездом в Египет генерал Орлов, заболевший скоротечной чахоткой. Его похоронили в Царском Селе, и императрица иногда ездила на могилу отвозить цветы. Эти редкие поездки на Казанское кладбище наводнили столицу целым потоком сплетен. Видный генерал, подобно мне, страдал от зависти придворных, которые по-своему старались истолковать милостивое к нему отношение. Между тем горе их величеств по случаю смерти генерала было чистосердечно и глубоко.

Глава 4

Осенью 1909 года я в первый раз была в Ливадии, любимом месте их величеств, на берегу Черного моря. С севера Ливадия защищена высокими горами, потому климат здесь почти тропический. Государь не желал, чтобы железная дорога нарушила тишину Ливадии, и отклонял проекты железных дорог в Крыму. Трудно описать красоту этого места, на фоне покрытых густыми лесами гор, вершины которых большую часть года покрыты снегом. Кругом расстилаются цветущие сады и виноградники: осенью это изобилие винограда и всевозможных фруктов, весной – неисчислимое количество цветущих деревьев, кустов, а всего больше розанов: розы, розы всех сортов, всех цветов, ими покрыты все строения, все склоны гор, парки, лужайки, беседки. И тут же рядом – глицинии, море фиалок, целые аллеи золотого дождя, местами аромат такой одуряющий, что кружится голова. А какое горячее солнце и синее море! Как могу я нарисовать волшебную картину Крыма?! Татары в своих живописных костюмах, женщины в шитых золотом платьях, белые мечети в аулах – все это придавало местности особую поэтичность.

Дворец в 1909 году имел вид большого деревянного здания с нависшими балконами, так что в комнатах было всегда темно и сыро, особенно же сыро было внизу, в бывших покоях императрицы Марии Александровны, со старинной шелковой мебелью и разными безделушками. Государь и дети ежедневно завтракали со свитой внизу в большой белой столовой, единственной светлой комнате; государыня завтракала наверху одна или с Алексеем Николаевичем. Последнее время у императрицы все чаще и чаще повторялись сердечные приступы, но она их скрывала и бывала недовольна, когда я замечала ей, что у нее постоянно синеют руки и она задыхается. «Я не хочу, чтоб об этом знали», – говорила она.

Помню, как я была рада, когда она наконец позвала доктора. Выбор остановился на Е. С. Боткине, враче Георгиевской общины, которого она знала с японской войны, – о знаменитостях она и слышать не хотела. Императрица приказала мне позвать его к себе и передать ее волю. Доктор Боткин был очень скромным врачом и не без смущения выслушал мои слова. Он начал с того, что положил государыню на три месяца в постель, а потом совсем запретил ходить, так что ее возили по саду в кресле. Доктор говорил, что она надорвала сердце, скрывая свое плохое самочувствие. Их величества не имели права болеть как простые смертные – малейший их шаг замечался, и они часто пересиливали себя, чтобы присутствовать на обеде или завтраке или появляться в официальных случаях.

Жизнь в Ливадии была простой. Мы гуляли, ездили верхом, купались в море. Государь обожал природу, совсем перерожден: часами мы гуляли в горах, в лесу, брали с собой чай и на костре жарили собранные там же грибы, он ездил верхом и ежедневно играл в теннис – я оставалась его партнером, пока великие княжны были еще маленькие, и волновалась, так как он отлично играл и терпеть не мог проигрывать. Он относился к игре очень серьезно, не разрешая даже разговоров; играя с ним, я, как уже сказала, на первых порах нервничала, но после приспособилась. Вообще государь любил всякий спорт, прекрасно греб, очень любил охоту и был неутомим на прогулках.

Как-то в Ливадию приехал бухарский эмир. Он привез их величествам всевозможные подарки: ожерелья, браслеты с алмазами и рубинами. Свита получила ордена и звезды, украшенные камнями.

20 октября, в день кончины императора Александра III, в комнате, где он почил, в его маленьком дворце была панихида; все стояли вокруг его кресла, покрытого черным сукном.

Мы прожили в Крыму до середины декабря; стало холодно, в горах выпал снег. Государь уехал в Италию, в Ракоиджи, к королю. Это была первая при мне разлука их величеств. Простившись с государем, ее величество целый вечер проплакала, замкнув свою комнату; никто,

даже дети, к ней не входили. Но зато радости последующего свидания не было границ. «К сожалению, нам всегда приходится расставаться и встречаться при других, – говорила она, – при свете и публике».

Осенью заболел наследник. Все во дворце были подавлены страданиями бедного мальчика. Ничто не помогало ему, кроме ухода и забот его матери. Окружающие молились в маленькой дворцовой церкви. Иногда мы пели во время всенощной и обедни: ее величество, старшая великая княжна, я и двое певчих из придворной капеллы. Фрейлина Тютчева читала шестопсалмие. Императрица обиделась, когда присутствующие заметили, что лучше всех читает С. А. Тютчева.

Среди горестных переживаний по поводу болезни Алексея Николаевича приезжал с докладом мой дорогой отец. К Рождеству мы вернулись в Царское Село. До отъезда государь несколько раз гулял в солдатской походной форме, желая на себе самом испытать тяжесть амуниции. Было несколько забавных случаев, когда часовые, не узнав государя, не хотели впускать его обратно в Ливадию.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.